09.98

Бенефис

Настоящее время. – 1998. – сент. – с.22-23.

Любители довоенных фильмов все еще могут изредка видеть эту обворожительную актрису по ТВ в старой картине «Три товарища», где она снялась в партнерстве с молодыми Николаем Баталовым и Михаилом Жаровым. Дочь блистательного премьера немого кино Витольда Полонского вполне успешно флиртовала с кинематографом, играла во МХАТе, а затем в театре Ермоловой, но в историю вошла не как большая актриса, а как последняя возлюбленная Владимира Маяковского. Как женщина, ощутившая на своей коже горячечный жар его предсмертного выдоха.

Вероника ПОЛОНСКАЯ:

Муж, узнав, что я была близка с Маяковским, растерянно сказал:

Какой подлец!

Татьяна РАССКАЗОВА

— Вероника Витольдовна, ваш отец был известнейшим актером немого кино. Изменилось ли что-нибудь в его статусе звезды после 1917 года и чему вы как актриса у него научились?

— Чему я могла научиться, если я была совсем ребенком, когда он умер в 1919 году? Хотя незадолго до этого я снялась с ним в фильме, который, кажется, назывался «Когда цветет сирень». По-моему, после революции отец продолжал работать ровно так же, как и до нее.

— Однажды вы оказались на съемочной площадке фильма «Стеклянный глаз», сорежиссером которого была Лилия Юрьевна Брик. Что за роль вы исполняли и профессиональна ли была в работе Лиля Брик?

— Более или менее профессиональна. Во всяком случае, очень уверенна. А фильм представлял собой пародию на американское кино, я играла «роковую» роль.

— Известно, что Брики в своем кругу культивировали атмосферу свободной любви: считалось хорошим тоном, если жены подыскивали подруг мужьям, а мужья рекомендовали женам своих друзей на роли возлюбленных. Вы застали эту пикантную ситуацию?

— В какой-то степени застала. Даже мое знакомство с Маяковским об этом свидетельствует. Мне кажется, Брики хотели мною отвлечь его от Татьяны Яковлевой, которая оказалась очень сильной соперницей для Лили: на какие-то увлечения Маяковского Лиля не обращала внимания, а в этот раз испугалась, что ее вытеснят. И вот мне позвонил Осип Максимович и пригласил на бега, что меня очень удивило, ведь при всем хорошем отношении он никогда не пытался за мной ухаживать. На ипподроме Брик познакомил меня с Маяковским.

— Ваша ревность к Татьяне Яковлевой — это ревность к прошлому Маяковского или вас пугала мысль, что он может к ней вернуться?

— Я узнала об их романе, когда он уже закончился, и ревновала только к прошлому — к посвященным ей стихам, которые он, уезжая из Парижа, распорядился ей ежедневно присылать.

— Но кто мог вам об этом рассказать — не сам же Маяковский?

— Не помню. По-моему, Лиля.

— Скажите, был ли Владимир Владимирович склонен к деспотичности или готов был сидеть у ваших ног, заглядывая в глаза, как собака?

— Он сочетал оба эти качества. Наша последняя встреча и предшествовавший ей вечер были верхом деспо-

Полонская Вероника

33

тизма и абсурда. Это же абсурд — требовать, чтобы я ушла из театра, чтобы осталась с ним сию же минуту, не объяснившись с Яншиным, моим тогдашним мужем. А романтичность, нежность, готовность заглядывать в глаза сказывались, как правило, в повседневности, в мелочах, хотя бы в том, что Маяковский часто приходил в кафе на нынешней Тверской (оно не сохранилось, теперь там высотный дом напротив телеграфа) и бесконечно ждал, когда я вернусь с репетиции. Если мы прощались дома — обязательно вставал на колени, целовал руки, не отпускал, не оставив залога — платка или перчатки.

— А у вас не сохранилось какой-нибудь реликвии, его подарка: кольца, книги, может быть, фотографии, где вы вместе?

— Мы почему-то ни разу вместе не снялись, у меня остался только носовой платок да несколько его «молний», телеграмм, которые я отдала в музей.

— До сих пор живет миф, будто Маяковский в действительности был убит и будто вы знаете — кем?

— Даже не хочу говорить на эту тему. Это просто мура какая-то.

— В неких воспоминаниях есть запись, что первыми из посторонних в комнату после выстрела вошли Агранов, Кольцов и еще кто-то. Они сами прибежали на помощь?

— При мне они не приходили. Если вы читали мои записки, то в них сказано, что я вышла от Маяковского и не успела дойти до входной двери, как раздался выстрел. Я вернулась назад и некоторое время металась в коридоре, боясь войти, наконец вошла и увидела, что он лежит на полу, раскинув руки. Дым выстрела не успел рассеяться. Мы были вдвоем. Я опустилась перед ним на колени и только повторяла: «Что вы сделали? Что вы сделали?», а он смотрел на меня. Сначала его лицо было красным, потом постепенно стало бледнеть, бледнеть, и голова упала. В это время вошел какой-то человек, вероятно сосед, и сказал мне: «Идите, встречайте карету «скорой помощи». Когда я спустилась по лестнице на несколько ступенек — кажется, этот же мужчина вышел вслед за мной и сказал: «Поздно. Умер».

— А чем обусловлена помета Лили Брик на оригинале ваших заметок, что о его самоубийстве вы рассказывали ей несколько иначе? Может быть, вы сочли уместным о чем-то умолчать в официальном тексте?

— Нет, я и тогда не понимала, почему она сделала такую ремарку.

— Наверное, после этой трагедии вас вызывали в ГПУ?

— В ГПУ не вызывали ни разу. Вначале меня допрашивал очень молодой и не слишком грамотный следователь, потом — Сырцов, в чьем существовании так сомневался в своих домыслах Скаратин.

— О чем вас спрашивали?

— Об обстоятельствах самоубийства, о том, была ли я близка с Маяковским. Я это отрицала, поскольку Яншин ждал меня за полуоткрытой дверью, и мне, естественно, не хотелось, чтобы он узнал о моих истинных отношениях с Владимиром Владимировичем.

— Но позже вы Михаилом Михайловичем все же разошлись. Вероятно, он догадался об этих отношениях?

Дым выстрела не успел рассеяться. Мы были вдвоем. Я опустилась перед ним на колени и только повторяла: «Что вы сделали? Что вы сделали?», а он смотрел на меня

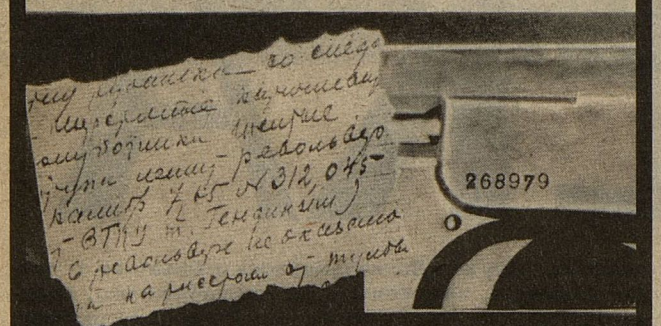

Фото из архива журнала «Журналист»

— Нет. Уже после разрыва у нас была встреча, на которой мы откровенно подсчитывали взаимные обиды. Когда он узнал, что я была близка с Маяковским, растерянно сказал: «Какой подлец!» Тем не менее мы с Яншиным продолжали поддерживать добрые отношения.

— Лиля Брик утверждала, что семья Маяковских считает вас виновницей его гибели. У вас был случай в этом убедиться?

— Однажды, в антракте спектакля, мне передали, будто звонили от Маяковских, оставили номер и просили перезвонить. Я позвонила. Подошла, кажется, Людмила. Я сказала: «Вы просили позвонить, это говорит Вероника Витольдовна Полонская». — «Я не просила. Такой не знаю и не хочу знать». Оказалось, кто-то зло надо мной подшутил.

— Вы долгое время играли во МХАТе. Кажется, в последние годы жизни отцы-основатели театра между собой не разговаривали: наверное, актеры, работавшие с одним из них, ко второму подступиться уже не смели?

— Я об этом ничего не знаю. Мне случалось встречаться в работе и со Станиславским, и с Немировичем-Данченко, хотя и нечасто: они обычно принимали уже готовые спектакли, делали поправки и замечания.

— Кто из них, на ваш взгляд, талантливее?

— У каждого свои достоинства. Как постановщик — быть может, Станиславский.

— Почему вы ушли из МХАТа?

— Во МХАТе у меня было не так уж много ролей, а хотелось играть больше, и в 1939 году я перешла к Завадскому, потом играла у Лобанова в театре Ермоловой.

— Ваш второй муж тоже был актер?

— Он служил зав. постановочной частью в театре Мейерхольда, впоследствии был репрессирован. К тому времени мы с ним расстались, я была уже замужем за актером театра Завадского Дмитрием Фивейским.

— Самый тонкий в сталинском Политбюро ценитель женской красоты Лаврентий Берия не уделял вам благосклонного внимания?

— С Берией мне безумно повезло. После эвакуации мы жили, что называется, на подступах к Москве — в Орехово-Зуево. Еще не кончилась война, и однажды на затемненной улице я, оступившись, упала на какой-то рельс и разбила лицо. Все бы ничего, но на другой день мне нужно было ехать в Москву — хлопотать квартиру.

Являюсь к дядьке, с которым веду жилищные переговоры, а он приходит в ужас: «Боже мой! Как же вы покажетесь в таком виде?» А лицо у меня действительно совершенно лиловое. Я говорю: «Ну что ж? При чем тут мой вид?» Выходим на Кузнецкий, поднимаемся в какое-то учреждение, он подталкивает меня к двери, я вхожу и вижу странный интерьер: кругом не прибрано, стулья стоят в беспорядке, а за столом — какой-то товарищ. Поднимаю глаза, вижу над ним портрет Берии и только тут соображаю, что это оригинал сидит под собственным высокохудожественным изображением. Он как-то смущенно на меня смотрит и наконец произносит: «Вы не могли бы мне дать телефон вашего замдиректора?» Я говорю: «Пожалуйста».

— Ясное дело, больше-то взять негде.

— Даю ему номер телефона, он говорит: «Спасибо, можете идти». И я ухожу.

Совершенно очевидно, что он хотел со мной «познакомиться». Счастье, что у меня была такая жуткая морда.

— Вы хоть раз в жизни пожалели, что отказались от права наследования, оговоренного Маяковским в предсмертной записке?

— Конечно, я очень сожалела, что пришлось поступить вопреки последней воле Владимира Владимировича. Но, с другой стороны, доводы Лили Юрьевны, что это будет неприятно его родным, и тот факт, что я не была на похоронах (а меня в это время допрашивал Сырцов), заставили принять это решение. Пожалуй, единственный раз мне пришлось сослаться на имя Маяковского и на то, что я отказалась от права наследницы, — когда было негде жить, и я написала письмо Енукидзе, после чего получила комнату.

— Простите, если вопрос покажется жестоким: почему сегодня вы здесь, в Доме ветеранов сцены? У вас не осталось никого из близких?

— Сначала уехал в Соединенные Штаты сын. Вскоре он прислал мне вызов, но здесь тогда оставался мой любимый внук — его сын от первого брака, и я не захотела с ним расстаться. Потом и внук уехал, а мне тогда ОВИР почему-то в выезде отказал. Я спрашивала: «Почему? На каком основании?» «Вы должны сами знать», — отвечали мне сухо. Думаю, это связано с Маяковским. Хотя как? Непонятно.

Позже уехал и правнук, уехали все. А мне уезжать уже поздно.

Фото Александра ИВАНИШИНА

послесловие

Этот разговор был записан несколько лет назад в Доме ветеранов сцены, где Вероника Витольдовна жила в крошечном помещении из двух комнат (вскоре там и умерла). Когда я приехала показать ей готовый текст интервью, то не удержалась от еще одного, довольно неделикатного, вопроса: «По-моему, идеальными любовниками часто оказываются низкорослые мужчины невыразительной наружности. Высокие же красавцы, каким был Маяковский, весьма темпераментны, но, как правило, недостаточно чутки и поэтому не всегда соответствуют женским ожиданиям. Можно спросить, испытали ли вы с ним всю полноту эротических ощущений?» Полонская не возмутилась и не смутилась, а спокойно ответила в том духе, что Маяковского всю жизнь подавляли сильные и умные возлюбленные, и, возможно, с ними он чувствовал себя довольно скованным. Но Вероника Витольдовна в пору их романа была совершеннейшей девчонкой, так что он в ее обществе абсолютно раскрепощался, не испытывая никаких комплексов. И сама она как женщина проявлялась с ним исчерпывающе, то есть их потаенные отношения были совершенно гармоничными. Можно только гадать, что бы произошло, обрети Маяковский нормальное человеческое счастье, семью, сохранившись физически. Вероятно, как великий трагический поэт он бы и в этом случае не выжил: поэтам душевная гармония противопоказана.